

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

поездка (теперь один из них — дипломат, другой — профессор-эколог) в один из городов США и «славянской Мадонны», и всякие другие случаи из жизни за океаном. Позднее Кирилл Петрович с другом-рассказчиком еще не раз навестят родное село, обновленное и зажиточное, совершат — как бы в параллель к американскому вою и тоже не без приключений — путешествие по украинским степям... А завершится роман вестью о трагической гибели его главного героя в загадочной авиакатастрофе над далекими чужими просторами. Но это лишь внешняя событийная канва, не играющая здесь главной роли. Потому что в этой прозе свол, как говорят летчики, центровка тяжести.

Идущие двумя параллельными потоками картины детства героев, детства нелегкого, «спасенного» (по названию его убогого лакомства), но богатого поэзией природы, благородного по строгой шкале этических чувств и социального сознания, с одной стороны, и описания жутковатых по общему характеру впечатлений от страны, где на первом плане ставший едва ли не самоцелью жестокий к человеку буржуазный

кто не исчезнет», — это нечто совсем иное, психологическое и вечное.)

Мысль писателя о другом: о противоположности двух жизненных укладов — социалистического и буржуазного — в их отношении и к природе, и к технике, и к человеку. А еще о том, как, в сущности, душевно богаты и здоровы люди типа Заболотного, люди нашей, советской формации, которые не только достойно прошли сквозь огонь и стужу своего времени, но и сумели стать с веком наравне без разрыва со всем природным, естественным, теплым и нужным человеку, как капля утренней росы на травинке... Но вместе с тем авторская мысль постоянно помнит и о проблемах всеобщих, глобальных — прежде всего об угрозах экологического и военного характера, нависших над человечеством, — и писателю эстетически нужно все великолепие мирных полей и небес, чтобы устами одного из персонажей воскликнуть: «Подарена вам планета уникальная, дуб-

времени, навевающая необычную мысль о мести природы за всякое там безответственное ковыряние в генах и других ее тайниках...

Но, разумеется, читателя интересуют прежде всего человеческие образы и коллизии романа.

В повести о детстве (назову ее так, потому что эти главы и впрямь кажутся отдельной повестью в составе романного целого) все детское и отроческое, включая мечтательное ребячье преклонение перед печалью-но-одиноким красавицей Надькой с ее маленькой дочкой-безотцовщиной, так неотделимо от сурового «взрослого», от социальных конфликтов той поры, что, кажется, ощущаешь биение пульса всей тогдашней народной жизни. Но запоминаются, главным образом, две фигуры — Роман Винник и Мина Кудолопа; их «тихое» противостояние (имевшее, правда, вполне драматический для первого конца) — линия как будто боковая, но отнюдь не лишняя серьезнейшего социального психологического смысла. Столкнулись два типа из среды трудового, незажиточного крестьянства — беззащитный в своей творческой страсти труженик, поэт всяческой «земляной» работы и «апостол разрушительства», уменьший лишь

звон долгу, человечность, совесть. Вместе с чудесной, расползающейся к себе улыбкой Кирилла Петровича это придает его образу высший и расширительный поэтический смысл.

Писатель не делает его идеальным героем. У Заболотного и его ровесников, как он сам говорит, «и полетов было, и приземлений»... Но вряд ли когда-нибудь так самокритично скажет о себе Валерий Дударевич — деловой, неглупый, может быть, совсем неплохой работающий, но даже не прятующий того, что единственная его цель — карьера. С Заболотным они коллеги, соседи, подчас почти приятели, но это вовсе не скрадывает этического различия между ними — человеком с идеалами и холодным прагматиком-себялюбцем. Недаром молоденькая Лида Дударевич растет духовной преемницей скорее Заболотного, чем отца. Гончар всегда интересовало молодое поколение, его способность унаследовать от старших их заветнейшее. И вот пресимпатичная художественная удача автора — эта не по летам серьезная, бескомпромиссная правдивая, такая привлекательная в своем душевном облике девочка!

В Нью-Йорке ей, между прочим, уже довелось быть под пулями бандита-антисоветчика, и это не прошло даром для ее нервной, впечатлительной натуры. Подслушанная трагическая струя, обусловленная начальной противоречивостью эпохи, вообще ясно чувствуется в романе, но тем глубже, убедительнее звучит в нем «итоговый» пафос жизнеутверждения, веры в человека.

Среди других персонажей есть фигуры и покороче, и побледнее. Но не сотрется в памяти целая группа первоэлементов — и таких разных — женских образов: почти песенная, «звездной водой» умытая Надька, тихая, но несгибаемая Соня с «пречистой синью» любви и преданности в глазах, мятежно-страстная Тамара.

Помнится, одно время в прозе Гончара — эмоциональной, поэтической, полной идейного воодушевления — несколько поубавились (по крайней мере, на мой взгляд) свойственная ей точная изобразительность, предметная пластика, характерность лаконичных, но выразительнейших деталей. Здесь, в этом романе-раздумье, романе напряженного лирического переживания своего времени, то есть, казалось бы, в «чуждой» жанровой стихии, все это снова заблестало в полную силу. Для примеров здесь нет места, но уже одни страницы, скажем, о «висящем железном Дунае» — ультрасовременном шоссе «хайвее» — достойны войти в хрестоматию искусства живописания словом. И так можно видеть в сегодняшней прозе это доброе, жизнелюбивое, радостное искусство, которое нынче многие склонны считать устаревшим, заменяя его то однообразным шумом авторского красноречия, то дошными «химическими» условными приемами, то просто скудными перечислительными протоколами...

Что-то мешает, правда, сказать, что в «Твоей заре» все безупречно. Так, в разделе о детстве автор, по-моему, не уберется от сентиментальных оттенков (чуткая Лида, например, сразу среагировала на них, и между героями происходит «объяснительный» на сей счет разговор); и пусть сентиментальность, как утверждается здесь, более приемлема, чем черствость и бездушность, все равно в искусстве лучше без нее. И некоторая избыточность красок в разделе о юности тоже отсюда...

Однако это все же частности, хоть и они имеют значение. В целом «Твоя заря» видится значительным и знаменательным явлением сегодняшней прозы. Произведение большой искренности и страстности, выводящее мысль читателя на кардинальные проблемы современности, оно волнует своими тревогами, воодушевляет своими надеждами, своей любовью и верой.

«ТВОЯ ЗАРЯ — ТВОЯ СУДЬБА...»

Л. НОВИЧЕНКО

О новом романе Олеса Гончара

ственных основах, о силах, возвышающих либо же разрушающих его?

Все это есть в «Твоей заре», и все это не исчерпывает ее содержания. Ибо проза украинского романиста, почти всегда поэтически сгущенная, богатая многогранным метафорическим смыслом, здесь предстает особенно емкой и эмоциональной, пронизанной многими вопросами и поисками ответов на них.

В фабуле романа — и драматический эпизод из военной биографии Заболотного, и воспоминания о детских годах, проведенных им и его другом в родной Терновщине, и их же автомобильная

супертехнология, — с другой, создают бьющую в глаза эмоциональную контрастность. В ней нет, разумеется, никакого противопоставления природы «вообще» и техносферы «вообще», как нет и слепого любования патриархальной поэзией старого села. (Ведь в новом, современном селе, которое так любит Гончар-художник, — оно дано несколькими «кадрами» и здесь — не меньшим стало согласие человека с природой и после прихода железного племени тракторов и комбайнов, а постальгическая боль молодых людей при мыслях о мире своего детства, где все было «неумирающее и непреходящее», где «ничто не разрушится и ни-

ликатов нет, — распорядитесь же ею достойным образом...»)

Тему — современный человек и природа — довершают эпизоды с пчелами, возникающие в разных местах романа (лейтмотив, неожиданно вызывающий ассоциацию с «душами ниток и деревьев» в романе японца Кэндзабуро Оэ «Объели меня воды до души моей»). Самый значительный из них — тревожный слух о недавно выведенной гибридной породе пчел, которая, оказавшись неслыханно агрессивной и плодовитой, атакует все живое... Вот, выходит, какие трансформации могут произойти даже со старым и добрым спутником человеческой культуры — традиционной труженицей-пчелой, «святой скотинкой», как назвал ее кто-то в романе. Тоже своеобразная «реальная символика» нашего

разоблачать, громить, «брать за душу» и способный изрядно навредить делу социализма в деревне, как это и происходит в данном случае с Миной Омельковичем. (Правда, позднее, доведя Мину до наших дней, автор обнаруживает в нем, несколько поумневшем и поприхитшем, свойства характера неодомомерного — образа вообще живой и колоритный, вновь доказывающий превосходное умение Гончара подсыпать изрядную толику перца в изображение особо нелюбимых им демологических и агрессивных антиподов человека-созидателя.)

Но главное поэтическое лицо этого романа, богатого интересными характерами (или по крайней мере их эскизами), — Кирилл Заболотный. Вспоминается прямой его предшественник в творчестве Гончара — Юрий Брянский из «Знаменосцев», вспоминается близкий ему по времени литературного прихода в мир лейтенант Князько из «Берега» Ю. Бондарева. (Появление в сегодняшней прозе героев такой прекрасной чистоты «звездной материи» ума и сердца — и в то же время вполне достоверных в своей жизненности — невольно хочется считать неким многообещающим симптомом.) Но Заболотный, в отличие от обоих, — обобщающий образ иных времен, образ современный, повернутый лицом к внешнему миру, к проблемам международного; он как бы несет в себе ту умную и добрую человеческую надежность, которая так нужна и дорога не только в ежедневном общении, но и шире — в нынешних людских делах и заботах глобального порядка.

Мы ясно видим идейную убежденность коммуниста, советского человека, его бесконечную верность долгу, честность и совесть, но, кроме всего этого, он еще глубоко народен в своем бесценном свойстве душевной контактности, в умении завоевывать симпатии людей к себе и к своей стране. Впрочем, по отношению к Заболотному об этом качестве трудно говорить как об атрибуте дипломатического таланта, для него это в полном смысле «твоя заря, твоя судьба». Так же, как «его судьба» — первым быть там, куда